

сию, выпустив в 1921 году в Праге сборник «Смена веков», одному из авторов которого профессору Н. Устрялову показалось, что «коммунизм не удался» [3, с. 11], также ни к чему не привела, а спасший НЭПом коммунизм В. И. Ленин перешел к репрессиям преждевременно похоронившей коммунизм интеллигенции.

12. Разгром хранительницы символического капитала и носительницы символической власти интеллигенции страшно обеднил с символической точки зрения советское общество, сделал советский народ подверженным любой символической власти, будь-то власть большевиков, перестройщиков или постсоветских нуворишей.

13. Символически обездоленное постсоветское общество было ввергнуто в хаос и развалилось.

14. Поиски интеллигенции на постсоветском пространстве выйти из кризиса на чужих символических ценностях и с помощью чужой символической и реальной экономической и политической власти (НАТО, Европейского союза и т. д.) ничего не дают и обречены на провал.

15. Интеллигенции постсоветского пространства следует думать не о подчинении чужой символической власти, а воссоздании утраченного символического капитала и достижении символической независимости.

16. Задача эта посильна, но решать её может и должна именно интеллигенция, а не какой-либо иной слой общества. Ни российским миллиардерам, ни украинским оранжевым революционерам эта задача не под силу. Первые заняты умножением своих богатств, вторые – перераспределением богатств украинских нуворишей в свою пользу. Ни о чём ином эти хозяева жизни не помышляют и не могут. Думать – функция интеллигенции. Только она может решить стоящую перед постсоветскими государствами задачу по восстановлению утраченного обществом символического капитала и достижению символической независимости, без которой не будет ни независимости экономической, ни независимости политической.

17. Часть украинской интеллигенции пытается срочно обогатить символический капитал украинской нации, приватизируя мировые символы с тем, чтобы обеспечить символическую власть Украины над миром. Так, киевлянин Игорь Каганец объявил украинцами Иисуса Христа, Богородицу, выучившего своего сына украинскому языку, на котором он и произнёс свои последние слова на кресте, и всех апостолов, кроме предателя Иуды, так как предательство не свойственно украинской нации [4].

18. Большинство же интеллигентов внушают населению постсоветского пространства чуждые символы, утверждая тем самым чужую символическую власть, всё дальше и дальше отодвигая достижение подлинной политической и экономической независимости.

19. Но история не остановилась. Она продолжается. А как полагает профессор И. И. Кальной, признавать историю и признавать прогресс – это по сути одно и то же [2, с. 113]. А прогресс неизбежно приведёт национальную интеллигенцию в гармонию с национальными интересами. И из хранителей чуждого символического капитала и носителей чужой символической власти интеллигенты станут подлинными хранителями национального символического капитала и носителями национальной символической власти, без которых так возжелённые на постсоветском пространстве экономическая и политическая независимость просто невозможны.

Источники и литература

1. Панарин А. С. Стратегическая нестабильность XXI века // Москва. – 2002. – № 4-12.
2. Масаев М. В. Философия истории. Учебно-методическое пособие. – Симферополь: Доля, 2008. – 304.
3. Гуль Р. Б. Красные маршалы. Тухачевский, Ворошилов, Блюхер, Котовский / Сост. П. Г. Горелов. – М.: Молодая гвардия, 1990. – 254 с.
4. Каганец І. В. Арійський стандарт. Українська ідея епохи великого переходу. – К.: А. С. К., 2005. – 336 с.

СОЦИАЛЬНОЕ ОДИНОЧЕСТВО РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Мионов А.В.

г. Севастополь. Украина

Одной из коренных в среде русской интеллигенции является проблема одиночества. Специфика формирования данной социальной группы в России определила ее позицию чуждости государству, а также выявила ее оторванность от народной массы, отсутствие значимых точек соприкосновения.

Явления русской истории второй половины XIX века - начала XX века – «хождение в народ», революционная деятельность, террор во многом объясняются чувством вины и долженствования перед теми, кто испытывает нужду и лишения. Факты, представленные в русской литературе того периода (особенно писателями-разночинцами Н.Г. Чернышевским, А.Ф. Писемским, Г.И. Успенским) указывают на осуществления нового способа реализации личности: жертвенность и социальное подвижничество.

Нежелание контакта с властными структурами и неспособность почувствовать «слитность» с народом толкает к сознательной обособленности. Революционные кружки, партии, группы компенсируют свое существование, замкнутое в пределах своей корпорации, идеей жертвенности. Аскетизм, скромность как требование, добровольная бедность – качества, с помощью которых осуществляется баланс между интеллигенцией и народом. Жизнь выстраивается согласно схеме служения, вытесняющей конкретную личность. Желание доказать свою близость «угнетаемым» рождает перевернутую систему ценностей. Тюрьма, каторга, эшафот, ссылка воспринимаются как наиболее адекватные интеллигентскому существованию. Стремление «пострадать» указывает на противоречивость внутреннего сознания. Моральное сближение с народом

как результат сознательной жертвенности, с одной стороны, и революционное ощущение индивидуальной исключительности, оторванности от «массы», с другой, - усиливали разрыв коммуникационных связей даже среди «своих». Кропотливая работа врача, учителя, инженера лишается пафоса, воспринимается как рутина, повседневность. Духовное начало – милосердие, сострадание, терпимость – традиционные для православия отрицаются, приносятся в жертву спасению «всех», не интересуясь их согласием, представлениями о собственном счастье. Генерация ненависти по отношению к тем, кто не разделяет подобную точку зрения оформляет жесткий раздел между «нашими» и «чужими». Так оформлялись многие партийные решения: не только разворачивать идеологические дискуссии, но и требовать применения санкций против несогласных даже в обыденном общении. Догматизм, ригоризм становятся препятствиями в дружеских контактах, личных отношениях, семейных связях. Нравственное основание подменяется политической целесообразностью. Партийная принадлежность разделяет людей и внутри интеллигентского сообщества. ореол революционных мучеников создавал почву для мстительности, антагонизма, конфронтации, погребая идею служения под грузом взаимных претензий, обид, недоверия. Вместе с тем, народные массы не принимали атеистические и космополитические идеи и, тем самым, становились «чужими» борцам за народное счастье.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В УСЛОВИЯХ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО КРИЗИСА МАССОВОГО ОБЩЕСТВА

Мурейко Л.В.

г. Санкт-Петербург, Россия

Характерным признаком антропологического кризиса признается чаще всего распад единого духовного мира, существующего на основе фиксированных ценностей и норм. Интеллигенция – тот слой в обществе, представители которого идентифицируют себя как субъектов духовного действия, направленного на создание целостного человека и общества согласия, в основании которого лежит идеал «разума», не возможный без «добра», «свободы», «красоты», «истины», «творчества», которые должны, обеспечивая возможность гуманизма, быть востребованными в условиях равенства всеми, иначе говоря «человеком вообще». При этом интеллигенция в классическом обществе имела ореол «избранности» в системе общественных отношений, претендуя на монополию идейного выражения на языке культуры того, что происходит в обществе, выработку идеальной формы должного.

Особенность современных духовных процессов состоит в том, что они существуют в условиях размывания классически определенных экономических, политических, культурно-исторических эквивалентов норм общественного обмена. В условиях тенденции к переизбытку товаров и возросшей в этой связи роли «индустрии» сознания, в условиях информационного общества происходит «революция ценности», в процессе которой «аксиома производства» стремится свести все к *факторам*, а «аксиома кода социальной коммуникации» сводит все к *переменным* (Ж.Бодрийяр). При этом субъектом потребления является не Я, и даже не бессознательное, а «вы» из рекламы, то есть субъект не лишенный рациональности, но перехваченный, фрагментированный, перевоссозданный и включенный в игру знакового обмена. Фактически это *никто*, фиктивный элемент человека, личности, индивидуальности.

В этих условиях, включающих в себя срастание науки с производством и общественным управлением, когда научные знания, художественные, семейно-нравственные и др. духовные ценности вплетаются в ткань капиталистической рационализации производства и общественного управления, *высшие духовные ценности перерабатываются в утилитарные оперативные схемы* так, что интеллектуальный труд, дробящийся между рядом исполнителей, которые теряют из виду связь целого, приобретает вид повсеместно распыленного в своих фрагментах массового интеллектуального труда. Призвание интеллигенции, классически ориентированной на идеалы гуманистического равенства людей, сегодня своеобразно трансформируется в производство «образцов» массового потребления.

Феномен масс двулик. С одной стороны, массы – общность унифицированных, автоматически и стереотипно мыслящих и действующих людей. С другой, массы – множество людей, отчужденных друг от друга, неспособных к интеграции. Их трудно идентифицировать, поскольку отсутствует общее основание для различия в условиях очень широкого пространства активного географического и социально-культурного перемещения современного человечества. По отношению к этому пространству правила локальных культур и сфер не работают. И в этих условиях, чтобы выжить, человек массы не только не лишается своего самосознания, но наоборот, способен довольно сильно обострить его. В этом плане анонимность персоны – эффективный способ мгновенной реакции индивида на самые разные раздражители, на саму ситуацию *неопределенности*.

Современное общество, ориентированное на предельные масштабы интеграции индивидов, с одной стороны, все больше деперсонализирует их, превращая в марионетки или «нулевые субъекты», но с другой – тем самым обостряет для них вопросы о невозможности действительного, а не формального единства людей без понимания их индивидуальности. Вместе с тем приобретает особую актуальность для мыслящего человека вопрос о многомерности общества как конструкта рациональной координации действий индивидов, о несводимости его роли к социальной дрессуре.

Для современной интеллигенции как преемницы интеллигенции классического типа (хранительницы совести общества, ответственной за развитие разумности человека) можно выделить три основных типа ее самовыражения. 1) Позиция социальной критики в виде утопий апокалиптического характера, предупрежда-